

Фан Цзинсюань проследил взглядом за звуком и улыбнулся Цзи Вэню.

Цзи Вэню всё казалось каким-то неправильным, но он никогда в жизни не встречал столь прожженных и расчетливых людей, поэтому лишь протянул: «Оу», — и отправился помогать маме расставлять тарелки с палочками, а повернувшись, тут же выбросил эти странности из головы.

-

За обеденным столом Фан Цзинсюань принялся незаметно, но искусно расточать похвалы самым заурядным домашним блюдам. Он расхвалил их так ловко, что Чжоу Тинъюй расцвела от радости и принялась то и дело подкладывать ему еду, да и Цзи Фэй даже украдкой усмехнулся, чуть приподняв уголки губ.

Фан Цзинсюань почти успел записаться в приемные сыновья к их родителям, прежде чем наконец соизволил взять в руки палочки.

Правая рука Цзи Вэня, державшая палочки, внезапно обо что-то ударилась. Он подозрительно скосил глаза и обнаружил, что сидевший слева от него Фан Цзинсюань ел левой рукой. Обеденный стол в их доме был узким, и если оба тянулись к еде одновременно, их руки, разделенные всего несколькими сантиметрами, легко могли столкнуться.

— Цзинсюань-гэ, ты левша? — он впервые в жизни видел живого левшу и просто испытывал любопытство.

Фан Цзинсюань ответил: «Угу».

— Вообще-то, Сяо Вэнь в детстве тоже был левшой, — тут же вставила слово Чжоу Тинъюй. — Но как только он начал сам кушать, мы сразу его переучили.

Цзи Вэнь услышал об этом впервые и растерянно моргнул: «А...?»

Неужели мама просто выдумала это на ходу, чтобы сблизиться с новым соседом?

Чжоу Тинъюй продолжила расспрашивать Фан Цзинсюаня с заботливой интонацией: «А разве твои родители тебя не переучили? После того как пойдешь в школу, левой рукой пользоваться очень неудобно — все эти тетради, ручки, они ведь совершенно не приспособлены для левшей».

Цзи Вэнь тоже предложил: «Давай я поменяюсь с тобой местами?» Если пересесть, они больше не будут сталкиваться.

Фан Цзинсюань без особого выражения на лице ответил Чжоу Тинъюй: «Переучили». Его отец до боли выкручивал ему левую руку, заставляя пользоваться правой, иначе он вообще не смог бы поесть.

На словах Фан Цзинсюань утверждал, что его переучили, но почему-то всё равно продолжал есть левой. Цзи Вэнь ждал, пока тот встанет и поменяется с ним местами, но вместо этого сосед просто молча переложил палочки в правую руку. Теперь оба ели правой, и столкновения прекратились.

Цзи Вэнь: «...» Да какого чёрта он тогда с самого начала ел левой и толкался!

— Когда ем, привык использовать левую, но правой тоже умею, — сказал Фан Цзинсюань.

На самом деле дома он всё делал правой рукой, а когда жил один, снова возвращался к левой. Когда он оставался один и чувствовал себя свободнее, то всегда пользовался левой.

Впрочем, распространяться об этом ему было лень.

Чжоу Тинъюй в свое время сама переучивала сына и прекрасно знала, что склонность к определенной руке заложена от природы — многие левши пишут правой, но в остальном продолжают всё делать левой. Поэтому она очень заботливо произнесла: «Ничего страшного, чувствуй себя как дома. Сяо Вэнь, поменяйся с Сяо Фаном местами».

Цзи Вэнь послушно отозвался: «Хорошо», — и поднялся со стула. Раз уж мама так сказала, Фан Цзинсюань больше не стал отказываться и поменялся с Цзи Вэнем местами.

Теперь правая рука Цзи Вэня и левая рука Фан Цзинсюаня находились на максимально возможном друг от друга расстоянии за обеденным столом, и каждый ел из своей тарелки.

Цзи Вэнь поднял левой рукой пиалу и вдруг почувствовал, что кто-то задел его левый локоть.

Цзи Вэнь: «...?» Обеденный стол в их доме, конечно, был мал, но не до такой же степени, чтобы тесниться.

Фан Цзинсюань не стал поднимать свою пиалу и ел левой рукой, а свободную правую положил на край стола, отхватив часть личного пространства Цзи Вэня. Когда Цзи Вэнь двигал пиалу, удерживая ее левой рукой, его локоть то и дело задевал чужую кисть.

Цзи Вэнь подумал, что если бы встретил такого соседа по парте в школе, то смертельно устал бы от него — никакой настоящей необходимости нет, а всё норовит залезть на чужую территорию.

После ужина он привычно собрался помочь маме убрать со стола и вымыть посуду, но Чжоу Тиньюй тут же оттолкнула его со словами: «Сяо Фан впервые в гостях у нас дома, иди составь ему компанию, можешь показать свою комнату».

Цзи Вэнь сначала завел гостя к себе в комнату и тут же заметил, что вся кровать завалена одеждой в полном беспорядке. Он бросился вперед, сгреб вещи в охапку и попытался накрыть их сверху одеялом, чтобы скрыть следы преступления, а затем бросил через плечо: «У меня в комнате особо не на что смотреть... Располагайся как знаешь».

Фан Цзинсюань издали заметил, что письменный стол усыпан книгами, но ведь Цзи Вэнь уже сдал выпускные экзамены? Охваченный любопытством, он подошел поближе.

Хотя стол был завален учебниками, на учебу это совсем не походило.

На разворотах учебных пособий красовались портреты трех исторических личностей, которых Цзи Вэнь полностью перерисовал, превратив в персонажей известных аниме. Что же касается текста, то некоторые подчеркивания на первый взгляд казались выделением главного, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что это просто бессмысленная мазня — кривая и косая, скорее всего, порожденная затяжным приступом сонливости.

Цзи Вэнь закончил возиться с одеждой, обернулся и, увидев Фан Цзинсюаня у своего стола, мгновенно поднял тревогу. Он бросился наперерез: «Эй, тут не на что смотреть, не надо разглядывать...»

Живя в этом сообществе, он неизбежно проболтался бы о том, что собирается пересдавать экзамены и учиться еще год. Но чем позже позор станет явным, тем лучше — ему совсем не хотелось, чтобы этот новый сосед узнал обо всем прямо сейчас.

Раз Цзи Вэнь так выразился, Фан Цзинсюань не стал продолжать осмотр. Он просто остался стоять на месте, подняв глаза и окинув взглядом спальню Цзи Вэня.

...Какой же бардак.

Глава 8. Милашка карабкается в окно

Просидевший целую неделю взаперти за зубрежкой Цзи Вэнь наконец потерял терпение.

Его лучший друг как раз прислал сообщение с предложением сгонять поиграть в баскетбол, добавив, что готов преодолеть любые преграды и приехать на площадку в сообществе Яман.

Сердце Цзи Вэня дрогнуло, но он отклонил это крайне заботливое предложение и ответил, что лучше пойти в спортивный комплекс.

Если играть на площадке прямо возле дома, родители узнают об этом в ту же секунду, а это было небезопасно.

Цзи Вэнь переоделся в баскетбольную майку и шорты до колен, а выходя из квартиры, бросил взгляд на плотно закрытую дверь 404-й. Он вдруг сообразил, что почти не видел, чтобы Фан Цзинсюань вообще куда-то выходил.

То ли тот был законченным домоседом, то ли бездельником-тунеядцем — или же совмещал в себе и то, и другое.

У него не было никакого презрения к соседу; напротив, теперь Фан Цзинсюань казался ему гораздо ближе к народу, их отношения заметно потеплели, и от прежнего образа надменного мажора при первой встрече не осталось и следа.

Цзи Вэнь наскоро перекусил в обед и сразу же ушел. На саму игру и дорогу туда и обратно ушло ровно четыре часа, так что он успел вернуться домой без пяти минут пять.

Родители обычно возвращались с работы около шести, а если задерживались на сверхурочные, то и того позже.

<http://bllate.org/book/29607/3601721>